

УДК 159.922+316.277

«СТУПЕНИ СОЗНАНИЯ» ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Д.Г. Трунов

Представлена феноменологическая критика понятия «бессознательные переживания». Рассмотрен альтернативный взгляд, в котором так называемое «бессознательное» представлено как потенциальная интенциональность, как трансцендентальность. Описан процесс эксплицитного познания как постепенное прояснение переживаний.

Ключевые слова: бессознательное; переживания; потенциальная интенциональность; эксплицитное познание.

Существует ли «бессознательное»?

Идея бессознательного, возникшая в философии (Ф. Шеллинг, Н. Гартман, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), начала активно использоваться в контексте психодинамической (психоаналитической) парадигмы с целью объяснения некоторых психических феноменов, которые не поддавались рациональному объяснению [2]. Бессознательное в классическом психоанализе З. Фрейда — это некая гипотетическая область («пространство», «структура») психики (Id), скрытая от «сознания» (Ego) [3].

В феноменологической парадигме термин «бессознательное» отсутствует, можно даже смело сказать, что феноменологическая парадигма *не нуждается* в этом термине. Феноменолог не использует этот термин, во-первых, потому, что, «бессознательное» (как оно понимается в психоанализе) — это то, что не может быть воспринято в непосредственном чувственном опыте человека; феноменология же имеет дело только с тем, что *представлено* в сознании и опирается на непосредственное восприятие. Во-вторых, в отличие от психоанализа, где бессознательное — это область психики, постоянно скрытая от сознания человека, феноменологическая парадигма базируется на идее принципиальной *открытости* «Я» самосознанию. Человек обладает потенциальной возможностью обнаружить всю полноту своего

«Я» («сознания», «души» и т.д.) в любом акте самовосприятия.

Бессознательное в психоанализе — это исключительно спекулятивная категория, которой аналитик благодаря *догматической вере* в свою концепцию придает статус объективности. Для феноменолога такое «бессознательное» есть не более чем *гипотеза*, которая «заключается в скобки» при концептуальной *εποχή*, в таком виде являясь предметом критического исследования феноменолога. Феноменолог всегда имеет дело только с непосредственным опытом сознания, воздерживаясь от использования спекулятивных категорий, пытающихся утверждать наличие чего-либо выходящего за рамки личного опыта, даже если этот опыт весьма противоречив, и даже если данная категория успешно снимает эти противоречия.

Можно ли сказать, что это ограничивает феноменолога? Да, безусловно, это его ограничение, но лишь в том смысле, который подразумевает термин *εποχή* («воздержание»), т. е. необходимое *методологическое* ограничение (редукция), не позволяющее феноменологу полагать в качестве *реальности* те или иные «интеллектуальные конструкции». На самом же деле феноменолог не столько ограничивает себя в своем исследовании, сколько, напротив, *освобождается* от влияния (даже — диктата) тех или иных метафор и связанных с ними концептуальных ограничений.

Так, в основе концепта «бессознательного» лежат следующие *тропы*: во-первых, трехмерная (пространственная) метафора «глубины», во-вторых, метафорическая персонификация (анимизация); в соответствии с первой, «бессознательное» — это некое пространство в «глубине» психики, невидимое «снаружи», со стороны сознания; в соответствии со второй, «бессознательное» — это *нечто* («Оно»), живущее где-то «внутри» своей собственной жизни и периодически «прорывающееся» наружу. Понятие «бессознательного», таким образом, представляет собой метафорический концепт, черпающий свою образность из внешнего мира, например, из сравнения психики человека с геосферой или водными глубинами. «Проникновение» в «бессознательное» возможно лишь при условии «погружения» в эти глубины, подобно водолазам-подводникам, или постепенного очищения психического опыта от внешних слоев подобно тому, как работают археологи.

Вера в эти *геологические, гидрологические, археологические* и прочие метафоры, которые основаны на *иносказательных* оппозициях (главным образом на пространственной оппозиции «наружное—внутреннее»), уверенность в том, что действительность такова, какой ее описывают эти метафоры, приводит к тому, что исследователь *вынужден* в своей практике, в своем познании следовать логике этих метафор. Так, для обнаружения «бессознательного содержания» представляется *необходимым* долго, слой за слоем «выкапывать» погребенный когда-то психический опыт. Именно этим оправдывается длительность психоаналитической терапии, длящейся годами, — едва ли можно найти ортодоксального психоаналитика, который верит в серьезность краткосрочной психотерапии!

«Бессознательное» как потенциальная интенциональность

Что же тогда имеет в виду феноменолог, говоря о «бессознательном»? Свообразным феноменологическим коррелятом понятия «бессознательного» выступает понятие «потенциальной интенциональности». Гуссерль различал актуальную и потенциальную интенциональность:

актуальная интенциональность — это непосредственная обращенность *cogito* на тот или иной предмет (интенциональный объект, «фигура»); *потенциальная* интенциональность обнаруживается в обязательном присутствии в поле восприятия «заднего плана» («аттенциального фона»), из которого когитативно вычленяется интенционально воспринятый предмет. Такого рода «предметный фон» есть, по Гуссерлю, «*потенциальное поле восприятия* в том смысле, что на все являющееся подобным образом может быть обращено особое восприятие (замечающее его *cogito*)» [1, с. 185]. Вместо термина «бессознательное» феноменолог использует другие слова, с помощью которых он обозначает то, что в данный момент не попадает в поле его восприятия: «неразличимое», «непонятное», «неясное», «смутное», «туманное», «темное» и т.д. Э. Гуссерль пишет: «...*все, что дано нам, как правило, бывает окружено ореолом, — это ореол неопределенно определяемого, и он обладает своим способом “раскрывающегося”* приближения к взору, раскладываясь на ряды представлений, поначалу, скажем, еще в темноте, затем вновь в сфере данности, пока, наконец, интендируемое не вступит в ярко освещенный круг совершенной данности» [1, с. 146].

Означает ли это обычную подмену одних терминов другими при сохранении сущности самого понятия? Вовсе нет. Феноменолог даже может использовать ту же самую терминологию, например, назвать какую-либо часть опыта «неосознаваемой», но исключительно в модуле «*в данный момент*» или «*пока*», поскольку понятие «бессознательного» как *принципиально недоступной* или «скрывающейся от сознания» области психики не имеет феноменологического обоснования. Сам бытийный способ переживания таков, что оно (переживание) принципиально доступно восприятию по способу рефлексии [1, с. 99].

Осознание внутреннего опыта в феноменологии — это не процесс, связанный с неким «проникновением», «открытием» и т.д., — как это имеет место в психоанализе, — а процесс, связанный исключительно с *различением* (дифференциацией) и *описанием* (дескрипцией) внутреннего опыта, с его рефлексией и концеп-

туализацией. Это означает, что для феноменолога так называемое «бессознательное» — это «совокупный поток переживаний *в модусе нереплектируемого сознания*» [1, с. 163], т.е. *нереплектируемый* и *неконцептуализированный* «материал» (ὄλη). «Все переживания сознаются», — заявляет Э. Гуссерль. Это означает, что переживания всегда выступают либо как объекты рефлектирующего (интенционального) сознания, либо, «даже и не будучи рефлектируемы, уже наличествуют здесь как “задний план”, или “фон”, а следовательно, принципиально готовы к тому, чтобы быть воспринимаемыми», аналогично тому, «как вещи, пока они пребывают в нашем внешнем зрительном поле, не будучи принимаемы к сведению» [1, с. 99]. Таким образом, наряду с *актуальными* осуществлениями-переживаниями, уже в процессе этого осуществления, «веют», «копошатся», «всплывают на заднем плане» (термины Э. Гуссерля) — еще не будучи «осуществляемыми», но уже суть «сознание чего-то» — разного рода «неактуальности», *потенциальные* осуществления-переживания [1, с. 185].

В гуманистической психологии, вставшей в оппозицию к психоанализу, различаются термины *awareness* и *consciousness*, хотя на русский язык они оба обычно переводятся как «сознание». Один из базовых постулатов гуманистической психологии Дж. Бьюджентал сформулировал следующими словами: «Man is aware», что означает: «Человек сознает». Дж. Бьюджентал указывает, что опыт сознания (*awareness*) непрерывен и наблюдается «на многих уровнях», что разные его аспекты не в одинаковой мере доступны человеку, но независимо от степени осознанности (*degree of consciousness*) опыт сознания является существенной частью бытия человека. Бессознательное (*unconsciousness*) рассматривается как такой уровень субъективного опыта (*level of awareness*), когда нет его непосредственного восприятия (*direct apprehension*), но некая информированность (*awareness*) тем не менее присутствует [5].

Отказ от концепта «бессознательного» (в том смысле, как его понимает психоанализ) побуждает феноменолога по-новому взглянуть на те процессы, которые описал психоанализ,

опираясь на понятие «бессознательного». Не погружаясь в эту тему, отметим, что многие «психоаналитические феномены», как то «психологическая защита», «инсайт», «перенос», «сопротивление» могут быть переформулированы феноменологически, т.е. без привлечения понятия «бессознательного». Например, «вытеснение» есть не что иное, как «отдаление», «отвлечение»; «замещение» — это «метафорическое сходство» или «метонимическое смещение»; «инсайт» — это переход от неопределенности к «ясной картине» и т.д.

«Бессознательное» как трансцендентальность

Существует еще одна область опыта (помимо переживаний в модусе потенциальной интенциональности), которую с феноменологической точки зрения можно считать «бессознательной». Это *трансцендентальная сфера* любого переживания, где «трансцендентальность» — это *то*, через что проходит «луч сознания», то, что обеспечивает сознание, но само в область сознания не попадает. Трансцендентальное по своей функции рефлексивное «Я» принимает непосредственное участие в распределении интенциональности («лучей внимания»); именно оно выбирает долю интенциональности в том или ином ноэсисе, выбирает исходя из сугубо «личных» соображений; в результате чего мы получаем восприятие, насквозь пропитанное личностным смыслом, максимально согласованное с личностью субъекта: что-то мы не замечаем, чему-то придаем особое значение и т.д.

Феноменолог, конечно, признает, что некие «трансцендентальные структуры» сознания должны обязательно оставаться «за кадром», чтобы мы могли видеть *содержание* этого «кадра», но феноменолог вовсе не склонен объяснять «скрытность» этого «материала» какими-то особыми его качествами: принадлежность инстинктам, связь с психотравмирующими ситуациями и пр. Здесь нет присущего психоанализу драматизма, дескать, нам никогда не проникнуть в «недра бессознательного» в силу специфического механизма «вытеснения». Метафоры «вытеснения», «прорыва» и пр. означают разного рода пространственные «перемещения» психического опыта из области соз-

нения в область «бессознательного» и обратно. Поскольку феноменолог воздерживается от веры в существование «бессознательного» как некой особой *недоступной* сознанию области, то для него такое гипотетическое «перемещение» не имеет статуса действительности. Даже многие последователи З. Фрейда критически относились к попыткам представить «бессознательное» в качестве особой психической «структуры» или «области». Например, Э. Фромм пишет: «...разговоры о “бессознательном” — это еще одна форма отчужденного мышления и рассуждения. Нет такой вещи, как “бессознательное”, будь то орган или вещь в пространстве. Внешние и внутренние события можно “осознавать” или “не осознавать”. Это значит, что мы имеем дело с психической функцией, а не с пространственно локализованным органом» [4, с. 226].

И конечно, совсем некорректно говорить, что трансцендентальная функция переживания «*скрывает*» себя от сознающего человека. Феноменологическая метарефлексия есть не что иное, как усиленная попытка направить сознание на сами акты сознания, а вся феноменологическая философия есть постепенное расширение области осознания в его (осознания) трансцендентальные сферы, совершающееся исключительно с помощью феноменологической идеации и дескрипции.

Эксплицитное познание

Таким образом, для феноменолога психический опыт всегда принципиально открыт для сознания. Поэтому в области эмпирического «Я», в «его недрах» нет такого «пространства», в котором нечто было бы каким-то образом *специально* скрыто от самовосприятия — в силу каких-либо тематических или других особенностей «материала». «Невидимость» не обязательно является следствием «скрытости», но, например, неразличения. Осознание внутреннего опыта в феноменологии — это не процесс, связанный с неким «проникновением», «открытием» и т.д., как это имеет место в психоанализе, а процесс, связанный исключительно с *различением-описанием* внутреннего опыта, т.е. с его как можно более детализированной *вербальной репрезентацией*. Иначе говоря, для фе-

номенолога так называемое «бессознательное» — это пока еще *нерефлектируемое* и *нерепрезентируемое*.

Принципиальная открытость «Я» в то же время не означает потенциальной возможности ни его *абсолютной и тотальной явленности (осознанности)*, ни его *исчерпывающего по своей подробности описания*. В сфере внутреннего опыта («Я») всегда есть и будут области, которые не поддаются описанию, хотя и переживаются, но тогда феноменолог говорит о «смутности» и «нерасчлененности» сознания. Однако причины этого «бессознательного» (недифференцированного и нерепрезентируемого) состояния заключены не столько в содержании данных областей («психотравмирующие переживания», «инстинктивные импульсы» и пр.), сколько в самой природе внутреннего опыта и описывающего его языка, в частности в сущностном отличии внутреннего опыта от репрезентирующего данный опыт вербального описания.

Мысль далеко не всегда с самого начала ясна и понятна сознающему ее человеку, она может «выплывать» на поверхность как «путанная», говорит Гуссерль; сначала мы получаем ее в «путанно-нерасчленном виде», потом, вольно-спонтанно совершаемыми шагами, разворачиваем ее, преобразуя в ясно-отчетливые синтетические актуальности [1, с. 268]. Такой переход от *запутанного* мышления к *отчетливому* и ясному Гуссерль называл «эксплицитным познанием». Различение «запутанности» и «отчетливости» играет важную роль в феноменологии различных форм осознания и выражения (в том числе вербального).

Гуссерль указывает на такой парадокс: сложные синтетические образования несут большую ясность, нежели первозданные простые актуальные переживания. Конечно, чем ближе к первозданности, тем более живой, спонтанный, нерасчлененный, неоформленный «материал» (ὄλη) мы имеем. Возникшие спонтанно переживания актуализируются, затем модифицируются (например, в форме воспоминаний-реактуализаций). Разного рода модификации суть «укладывания» первичных переживаний в определенную форму (μορφή), порядок, что, собственно говоря, и вносит необходимую

ясность. Отчетливость — это ясное видение новых синтетических объектов, созданных на основе предыдущих, пребывавших в «путанно-нерасчлененном», непонятном, «темном» состоянии. Таким образом, «эксплицитное познание» Гуссерль понимает как переводение всех актов означивания в логическую очевидность, а для этого следует совершить своеобразную «перестройку» и в обосновывающем *нижнем слое* — все неживое следует преобразовать в живое, всякую запутанность — в отчетливость, но также и всякую не-наглядность — в наглядность [1, с. 272-273].

«Ступени ясности»

Гуссерлевское выражение «быть воспринимаемым» не тождественно выражению «быть данным по мере восприятия». Первое означает «быть готовым к восприятию», а второе означает, что рефлексивно постигающий взор обращен на соответствующее переживание («данность сознания») [1, с. 144]. Таким образом, Гуссерль различает понятие «готовности» к восприятию (относится ко всему психическому опыту) и понятие «данности» (только часть психического опыта), понимая под первым «еще не постигнутое», а под вторым — «уже постигнутое». Однако это не свидетельствует о непримиримом противоречии между этими понятиями, как мы это можем наблюдать между понятиями «бессознательное» и «сознание». «Готовое к восприятию» и «данное» суть два полюса, между которыми располагается континуум «данностей» различной *степени* ясности — «ступени данности, наглядности, ясности»: «нуль» — темнота, «единица» — полная в себе ясность, наглядность, данность, «твердый предел» [1, с. 143]. Получается, что наряду с «ясно данным» существует «более широкий смысл данности», в каком можно говорить о чем-либо, что оно «просто» дано в представлении, хотя бы и «пустым образом» [1, с. 144]. При этом даже сама «пустота» и сама «неопределенность» выступают как данности, и «отнюдь не неопределенно, но в полнейшей ясности» [1, с. 142].

Если в психодинамической концепции «бессознательное» являет себя в символической форме, т.е. не в своей собственной данно-

сти («как есть»), а под прикрытием «иного», то феноменологическая позиция предполагает, что «неясное» может *явить* себя, стать ясным исключительно в своей самоданности, т.е. «неясности». Феноменолог, исходя из своего непосредственного усмотрения, не может с достоверностью признать, что нечто ясное «само по себе» *репрезентируется* чем-то «иным» или «неясным», что оно «прикрывается» или «искажается» какими-либо другими ощущениями и переживаниями, равно как и знаковыми или символическими формами. Для феноменолога понятно следующее: «Различия ясности по степеням — это различия исключительно способа данности» [1, с. 145]. «Способ данности» означает у Гуссерля не только «степень ясности созерцаемого», но также еще и «степень его наглядности». «*Прояснение* состоит в таком случае в двух соединяющихся друг с другом процессах — *в процессе перехода в наглядность* и *в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным*» [1, с. 145].

В случае внешнего восприятия реальных объектов мы практически всегда имеем дело с *наглядными данностями*, будь то цветные, звуковые или какие-либо иные. Правда, не всегда наглядно данное предстает перед нами со всей своей ясностью, любая наглядность допускает вышеупомянутый континуум различий по степени ясности «от нуля до единицы» — например, цвет или звук в той или иной степени ясности. Совершенно иначе обстоит дело при внутреннем (имманентном) восприятии, по своей сути *уже выходящем за пределы* наглядно данного. Здесь восприятие «сплетает пустые постижения с действительно наглядным постижением» [1, с. 145]. Что же во внутреннем восприятии считать «наглядным постижением», а что — «пустым»?¹

Назовем «*наглядными постижениями*» те постижения, которые обрели некую *образную форму*; таковы, например, метафорические,

¹ Заметим, что слова «наглядность», «ясность», «четкость» и другие суть результаты иносказательного переноса терминов, описывающих зрительное восприятие на восприятие вообще. Если словосочетание «ясное ощущение» можно считать вполне корректным, то «наглядное ощущение» уже едва ли.

идеографические выражения. Они обращают в наглядность, или *зримость*, то, что по своей сути незримо и переживается иначе (таков «внутренний опыт»). Благодаря обретению наглядности, незримое становится понятным, а значит, уже в некоторой степени ясным. Однако не все наглядные образы могут быть в достаточной мере сопряжены с теми данностями, которые они описывают. Назовем «пустыми постижениями» те наглядные образы, которые не дают четкого и ясного ощущения постигнутости, и хотя интеллектуально ситуация может стать понятной, но при этом вовсе не сопровождается феноменально-интуитивным ощущением обретения сущности. Таковы разного рода абстрактные схемы, модели и другие интеллектуальные построения (прежде всего научно-теоретические), которые призваны объяснить нечто сущностное, но не всегда способствуют адекватной дескрипции усматриваемых в рефлексии данностей, даже, напротив, такого рода пустые наглядности могут лишь уводить в сторону от интуитивного ощущения действительной постигнутости.

Итак, наглядные постижения можно определить как наглядные образы, способствующие интуитивно ясному постижению сущностных данностей, а пустые постижения — как наглядные образы, способствующие исключительно интеллектуальному (интерпретативному) постижению, не подкрепленному ясным интуитивным удостоверением.

В связи с понятием наглядности Гуссерль различает «подлинные» и «неподлинные» ступени ясности. Первые представлены различны-

ми степенями *интенсивности* ясности (включая градации в пределах «темного») в сопряжении с наглядными постижениями; вторые представляют «ступени экстенсивного расширения объема ясности» в сопряжении лишь с пустыми постижениями, т.е. повышением наглядности в интеллектуальном созерцании, но без соответствующего интуитивного свидетельства. И опять же между наглядными и пустыми постижениями существуют градации, в которых мы встретим сочетания «подлинных» и «неподлинных» ступеней ясности. Гуссерль пишет: «...не бывает так, чтобы исключительно пустые представления переходили в исключительно наглядные; напротив, главную роль, иногда в качестве промежуточных ступеней, играют созерцания, лишенные чистоты, — соответствующая им предметность представляется в известных своих сторонах или моментах наглядно, в других — лишь пусто» [1, с. 145].

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
2. Руткевич А.М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М., 1997.
3. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Книга I. Тбилиси, 1991.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
5. Vigental J.F.T. The third force in psychology // J. of Humanistic Psychology. 1964. V. 4. № 1. P. 19-26.

“CONSCIOUSNESS STEPS” OF MENTAL EXPERIENCE IN PHENOMENOLOGICAL PARADIGM

Dmitry G. Trunov

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

A phenomenological critique of the concept of "unconscious feelings" is presented. There is considered an alternative view in which the so-called "unconsciousness" is presented as a potential intentionality, as transcendence. There is presented the process of explicit knowledge as a gradual clarification of experience.

Keywords: unconscious feelings, the potential intentionality, explicit knowledge.